

*Орасио Таркус<sup>1</sup>*  
*Horacio Tarcus*

**От бонапартизма к популизму. Латинско-американское прочтение «18 брюмера Луи Бонапарта»**

**From Bonapartism to populism Latin American readings of The 18 Brumaire of Louis Bonaparte**

**Del bonapartismo al populismo. Lecturas latinoamericanas de El 18 Brumario de Luis Bonaparte**

---

*Аннотация:* «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» вышло в 1852 г. во второразрядном издании с тиражом, ограниченным немецкими эмигрантами США, без малейшего прямого влияния на события тогдашней Франции. Французская публика узнала о переводе только в 1891 г., когда режим Луи Бонапарта рухнул двумя десятилетиями ранее. Тем не менее, работа Карла Маркса стала классикой в первые десятилетия двадцатого века, в то время как понятие бонапартизма вышло за рамки своего национального и временного контекста, став категорией современной политической мысли. С изгнанием Троцкого в Мексику в 1937 г. это понятие было включено в латиноамериканский политический словарь, чтобы объяснить карденизм и другие национал-реформистские (попу-

---

<sup>1</sup> **Орасио Таркус** – доктор наук, директор Cedinci Университета Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, **Horacio Tarcus** – PhD., Cedinci San Martin University, Buenos Aires, Argentina. E-mail: [tarcushoracio@gmail.com](mailto:tarcushoracio@gmail.com) ; ORCID 0000-0001-7574-802X

листские) режимы, возникшие на этом континенте на протяжении XX в. После интенсивного использования этот термин вышел из употребления в 1980-х гг., будучи вытесненным суррогатным понятием популизма, разработанным аргентинским политологом Эрнесто Лакло.

*Ключевые слова:* бонапартизм, цезаризм, популизм, Франция, Латинская Америка.

*Abstract:* The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte was in 1852 a bumpy edition and a circulation limited to German emigrants in the United States, without the slightest direct impact on the events of contemporary France. The French public only knew a translation in 1891, when Louis Bonaparte's regime had collapsed two decades earlier. However, the work of Karl Marx became a classic in the first decades of the twentieth century, while the notion of Bonapartism transcended its national and epochal context, to become a category of modern political thought. With Trotsky's exile in Mexico in 1937, the notion was incorporated into the Latin American political vocabulary to account for Cardenismo and other national-popular regimes that emerged on this continent throughout the twentieth century. After intensive use, the term fell into disuse in the 1980s, being displaced by a surrogate notion, that of populism, elaborated by the Argentine political scientist Ernesto Laclau.

*Key words:* Bonapartism, Caesarism, populism, France, Latin America.

*Resumen:* El XVIII Brumario de Luis Bonaparte conoció en 1852 una edición accidentada y una circulación circunscrita a los emigrados alemanes en los Estados Unidos, sin la menor incidencia directa sobre los acontecimientos de la Francia contemporánea. El público francés recién conoció una traducción en 1891, cuando hacía dos décadas que el régimen de Luis Bonaparte se había derrumbado. Sin embargo, la obra de Karl Marx se transformó en un clásico en las primeras décadas del siglo XX, mientras que la noción de bonapartismo trascendía su contexto nacional y epocal, para convertirse en una categoría del pensamiento del pensamiento político moderno. Con el exilio de Trotsky en México en 1937, la noción se incorpora al vocabulario político latinoamericano para dar cuenta del cardenismo y demás regímenes nacional-populares que emergen en este continente a lo largo del siglo XX. Luego de un uso intensivo, el término cae en desuso en la década de 1980, siendo desplazado por una noción sucedánea, la de populismo, elabora-

da por el politólogo argentino Ernesto Laclau.  
*Palabras Clave:* Bonapartismo, Cesarismo, Populismo, Francia, América Latina.

---

DOI: 10.32608/2305-8773-2023-39-1-164-202

Республиканская и демократическая революции, распространившиеся в 1848 г. по Западной Европе, пошатнув власть монархий Священного союза, завершились в течение двух-трех лет серьезными поражениями народного движения. Хотя после «Весны народов» Европа уже не была прежней, в 1852 г. революционный цикл завершился подтверждением имперского порядка на политическом уровне и энергичным расширением капиталистической системы на большей части континента.

Развитие французского политического процесса представляло в глазах современников как источник ряда парадоксов. Долгожданная Вторая Французская Республика не дожила и до четырех лет существования, расстроив на протяжении всего своего развития все народные ожидания. Победителем первых в истории Франции президентских выборов, состоявшихся в декабре 1848 г. в условиях всеобщего избирательного права для мужчин, стал не генерал Кавеньяк, представитель умеренных республиканцев (он набрал всего 19% голосов), и тем более не Ледрю-Роллен, представитель демократов-социалистов, совершивших Февральскую революцию 1848 г. (он получил всего лишь 5%). Убедительную победу (74% голосов) на первых республиканских выборах одержал Луи Наполеон, племянник Наполеона I и последний наследник императорской династии Бонапартов.

Этот актер незадолго до этого момента был далек от политики. Луи-Наполеон прожил почти тридцать лет за пределами Франции и вернулся в свою страну вскоре после Февральской революции. Несмотря на то, что он не примыкал ни к какой партии, у него не было своего печатного органа, ему не потребовалось много времени, чтобы оказаться в центре общественного интереса. Во время политического кризиса путанный характер его идеологии способствовал тому, что различные социальные группы и политические силы увидели в нем своего

представителя. Столкнувшись с Национальным собранием, в котором доминировали консервативные сектора, которые хотели вернуться к цензовому избирательному праву, ограничивавшей право голоса собственниками и лишавшая голоса три миллиона французов), племянник Наполеона Бонапарта завоевал поддержку многочисленных ремесленников и рабочих. Его оппозиция закону Фаллу, санкционированная Собранием, позволявшее религиозное образование учения, завоевала ему симпатии антиклерикальной буржуазии, в то же время его защита порядка и традиций после бурных времен революции принесла ему поддержку католиков. Сельская Франция, крестьянство, в значительной степени не обращая внимания на политическую игру, ведущуюся в Париже, и неспособное построить свое собственное политическое представительство, видели прежде всего в Луи Бонапарте защитника, естественного наследника славной Франции, в то время как умеренные республиканцы, не имея возможности выдвинуть кого-либо из своих людей, полагали, что смогут контролировать его.

С такой концентрацией власти, завоеванной таким образом, Луи Бонапарт пошел еще дальше. Столкнувшись с Национальным собранием, которое выступило против конституционной реформы, которая позволила бы ему продлить свой президентский срок путем переизбрания, 2 декабря 1851 г. он возглавил своего рода военный автопереворот. Перед рассветом войска под командованием маршала Сен-Арно овладели столицей, заняли типографии, чтобы предотвратить появление оппозиционных газет, закрыли кафе (места обсуждений политических дел) и произвели первые аресты лидеров монтаньяров<sup>2</sup> и республиканцев, которые могли возглавить сопротивление. Так как заседание Ассамблеи было заблокировано, двести законодателей собрались у мэрии X-го округа Парижа, но были арестованы через несколько часов. Около шестидесяти депутатов-монтаньяров и республиканцев сформировали Комитет сопротивления и от-

---

<sup>2</sup> Члены левой парламентской группы, известной как La Mongagne (Гора), название, которое восходит к якобинцам 1792-1795 гг., которые сидели на самых высоких скамьях Законодательного собрания и Национального Конвента во время революции.

правились в рабочие районы города, призывая людей восстать против переворота. На следующий день в Сент-Антуанском предместье и других районах центра Парижа было возведено около 70 баррикад, но повстанцы были быстро разгромлены. Луи-Наполеон объявил осадное положение и приказал арестовать около 26 000 республиканцев, в том числе самого Адольфа Тьера, несколько раз бывшего премьер-министром при Луи-Филиппе. Несколько тысяч человек были приговорены к депортации в Алжире, некоторые оказались в тюрьме Бель-Иль-ан-Мер в Верхней Булони, другие высланы в Кайенну во Французской Гвиане. Многие оппозиционные деятели, такие как Виктор Гюго или Эдгар Кинэ отправились в изгнание.

В 6 часов утра 2 декабря стены улиц Парижа были увешаны плакатами, подписанными Луи-Наполеоном Бонапартом. Через них президент обращался непосредственно «к французскому народу». Он там объявлял, среди прочих реформ, о восстановлении всеобщего избирательного права для мужчин и призвал граждан к плебисциту 20 и 21 декабря, чтобы одобрить его действия. Менее чем через год, 2 декабря 1852 г., после очередного плебисцита он основал Вторую империю, став «Наполеоном III, императором французов».

Эти события — республика, которая родилась демократической и стала реакционной, уступив место либеральной империи, — бросили вызов пониманию современников. Как объяснить, что Вторая империя родилась из недр только что учрежденной республики? Как понять внезапное явление актора, до сих пор оставшегося вне политической игры в этой республике? Как интерпретировать народную поддержку Луи-Наполеона, который в глазах своих противников был не более чем беспринципным авантюристом? Как определить политическую идеологию, подобную идеологии Луи-Наполеона, находящейся на полпути между республиканизмом и монархией, либерализмом и имперской реставрацией, промышленной модернизацией и традиционализмом, авторитарной централизацией и плебисцитарным цезаризмом? И, прежде всего, почему этот двадцатилетний цикл (1850-1870) интенсивного промышленного развития, модернизации городов и имперского пути

родился с «первородным грехом» государственного переворота, который лишил политических и журналистских представителей буржуазного порядка политической власти? Это загадка, которую Карл Маркс пытается расшифровать в «18 брюмера Луи Бонапарта».

### Маркс за пределами марксизма

Вернемся на три года назад, к началу «Весны народов». Воодушевленный распространением революции, Маркс вернулся в Германию в 1848 г. Из Кёльна он редактировал газету «Новая рейнская газета» (*Neue Rheinische Zeitung*) и участвовал в демократическо-радикальном крыле республиканского движения. Но когда король Пруссии восстановил контроль над ситуацией, он закрыл издание и выслал его из страны. Маркс переехал со своей женой Дженни и тремя маленькими детьми в Лондон в мае 1849 г., который стал его местом жительства до последних дней. Его жене пришлось заложить драгоценности своего приданого, чтобы иметь возможность оплатить поездку.

Европейские революции 1848 г. были экстраординарным событием, которое проверило первую формулировку материалистической концепции истории, разработанную Марксом и Энгельсом в рукописи «Германской идеологии» (1845-1846), а затем в «Манифесте коммунистической партии» (1848). Экономический кризис 1847 г. и его превращение в политический кризис, предшествовавший революционной вспышке, казалось бы, подтвердили это. Распространение революции по континенту также соответствовало тезису о капиталистической экспансии, а также призыву к созданию рабочей организации, выходящей за пределы национальных границ. Теория классов в борьбе была показана как незаменимый теоретический инструмент для объяснения событий критической конъюнктуры 1848-1852 гг., а появление пролетариата как самостоятельного класса, включившего в свою программу требование социальной республики, выходящей за пределы либеральной республики, отстаиваемой буржуазией, казалось, подтверждало пророчество «Манифеста».

События, невысказанные до 1848 г., заставили Маркса переформулировать свою теоретическую модель. Национализм, возникший в ходе народных революций, стал слабым местом в теории Манифеста, в котором утверждалось, что «у рабочих нет родины»<sup>3</sup>. Кроме того, модель предполагала объединенную буржуазию, где гегемония и управление государством были за промышленными капиталистами. Однако политическая гегемония земельной аристократии сохранялась на большей части Европы, даже в таких странах, как Англия и Германия<sup>4</sup>, в то время как неудачный опыт Второй республики показал политическую недееспособность французской буржуазии. Наконец несмотря на то, что рабочий авангард вел героическую борьбу, исторический пролетариат не отреагировал на марксистскую модель в виду своей «деидеологизации в действии»: для Маркса эпохи «Манифеста» реальность капиталистической эксплуатации в конечном итоге проявилась бы для пролетариата в той мере, в какой растущая социальная поляризация стала бы для него очевидной, а непосредственный опыт эксплуатации стал бы невыносимым<sup>5</sup>. Если бы Маркс хотел объяснить процессы 1848 г., он должен был переформулировать свою концепцию политики, государства и идеологии.

Таким образом, «18 брюмера Луи Бонапарта» — это не просто «применение» его концепции истории к конъюнктуре Второй Французской Республики (1848-1852). Это результат попытки переформулировать свою теоретическую модель таким образом, чтобы она могла объяснить иначе необъяснимые процессы.

Откат волны пролетарской и народной борьбы можно было бы объяснить в классических материалистических терминах наступившем в конце 1848 г. экономическим процветанием, но как объяснить, что не промышленная буржуазия стала гегемоном политического процесса, завоевав государственный аппарат, а само государство приобрело такую высокую степень автономии от самой буржуазии? Как объяснить, что политиче-

---

<sup>3</sup> Haupt, Löwy, 1980.

<sup>4</sup> Mayer, 1986.

<sup>5</sup> Szabón, 1988a, pp. 31-60; Szabón, 1988b, pp. 81-111.

ский кризис был разрешен деклассированным, до недавнего времени дискредитированным человеком, стоявшим вне политической системы, таким как Луи Бонапарт? Как мы можем понять, что промышленная буржуазия, класс, призванный руководить судьбами французского государства, может быть унижена посредством акта, который казался гротескным и иррациональным – государственным переворотом, распустившим Национальное собрание, покончившим с буржуазной республикой, а затем провозглашением империи? Короче говоря, как следует понимать аномалию «бонапартизма»?<sup>6</sup>

Чтобы расшифровать загадку и понять эту неожиданное поражение 1851 г., Маркс предложил в «18 брюмера» историческую фреску событий, начавшихся в Февральской революции 1848 г. и приведших к декабрьскому перевороту. Действительно, ответ Маркса на загадку был не единственным, но, возможно, самым долговечным из всех. Среди многих других современных интерпретаторов Маркс отметил в предисловии ко второму изданию (1869 г.) своей книги, что его эссе стремилось избежать риска двух других работ, появившихся в то же время: «Наполеон Малый» Виктора Гюго и «Социальная революция в свете государственного переворота 2 декабря» Пьера-Жозефа Прудона<sup>7</sup>. В первой книге событие было подобно молнии в безмятежном небе: удар простого человека. Во второй он был представлен как неизбежный результат предыдущего исторического процесса. Автор «Отверженных» хочет направить свой памфлет против Бонапарта, не понимая то, «что он делает, возвеличивает этого человека, а не принижает его». Прудон, со своей стороны, полагал, что общественное движение 1848 г. содержало в себе такую мощную потребность в реализации, что Луи-Наполеон, за неимением собственного проекта, будет вынужден принять программу Февральской социальной республики. Таким образом, его текст стал «историческую апологию героя государственного переворота». Маркс стремился избежать односторонности обеих точек зрения: той, которая фоку-

---

<sup>6</sup> Rubel, 1960.

<sup>7</sup> Proudhon, 1852.



сировалась на действии (в конечном счете решающем) маленького-великого человека (Виктор Гюго), и той, которая сделала этого человека простым выразителем исторических обстоятельств (Прудон). Цель его эссе, объясняет он в 1869 г., состояла в том, чтобы показать, «как классовая борьба создала во Франции обстоятельства и условия, которые позволили посредственному и гротескному персонажу сыграть роль героя».

Сохраним термины этой марксистской формулировки, которой автор «18 брюмера» подытожил суть своего эссе в 1869 г. Заметьте, что он пишет не о том, что классовая борьба во Франции создала обстоятельства и условия для того, чтобы второстепенный персонаж стал героем, а о том, что он сыграл роль героя. А вот отличительная черта «18 брюмера»: проблема репрезентации. И не только потому, что она затрагивает вопрос о политическом представительстве в широком смысле (отношения между социальными классами и их политическими и идеологическими выразителями), но и потому, что она задействует воображаемое измерение в процессах конструирования политических идентичностей.

Как Маркс писал в предыдущих работах, он пытался объяснить события с точки зрения борьбы между классами и классовыми фракциями, их интеллектуальными и публицистическими представителями, а также их политическими представителями, партиями. Но он должен выйти за пределы отражения идеологии и политики в структуре борющихся классов именно потому, что действия и сознание политических субъектов не обязательно соответствовали их предполагаемым структурным классовым интересам. Как же тогда объяснить, что монархисты Национального собрания предстали ярыми республиканцами, а будущий император был защитником всеобщего (мужского) избирательного права и поборником секуляризма, пролетариат же и французские ремесленники не стали голосовать за кандидатов Социальной республики?

Чтобы разгадать загадку бонапартизма (растущее и сбивающее с толку плебисцитарное одобрение, на котором отпрыск непонятной династии побеждает среди самых разных классов и социальных групп), Маркс вынужден исследовать сложное

пространство, анализируя отношение структурных классовых позиций и политических представлений. Новаторский характер этой работы по отношению к его предыдущим трудам объясняется социальной значимостью, которую он придает здесь собственнo игре представительства, устойчивости коллективного воображаемого, инерции памяти, «грузу мертвых», отягощающего дух живых<sup>8</sup>. «18 брюмера» представляет сложность, неясность реальных политических процессов в сознании общественно-политических акторов, что контрастирует с оптимизмом познания «Манифеста Коммунистической партии» (1848). Даже революционные ожидания, все еще неявно присутствующие в «Классовой борьбе во Франции» (1850), написанной всего полтора года до того, их больше нет в этой работе 1852 г.: политический оптимизм Маркса в отношении социальной борьбы в тот момент теперь вытеснен историческим оптимизмом. Революции, которые будут в следующем цикле, как теперь понимает Маркс, смогут исправить иллюзии неудавшихся революций первой половины XIX в.

### Завершение революционного цикла

Всего за полтора года до этого Маркс создал блестящий очерк об этой перспективе в серии статей о ходе Французской революции 1848 г. Они появились в 1850 г. в новом проекте «*Neue Rheinische Zeitung*» (Новая Рейнская газета) с подзаголовком «*Politisch-ökonomie Revue*» (Экономико-политический журнал), которую Маркс редактировал из Лондона и печатал в Гамбурге. Спустя годы после смерти Маркса Энгельс превратил эти статьи в книгу, которая в начале XX в. станет одним из образцов марксистской литературы: «Классовая борьба во Франции»<sup>9</sup>. К тому времени, когда Маркс писал эти статьи, бы-

---

<sup>8</sup> Ansart, 1968, pp. 99-116.

<sup>9</sup> Karl Marx, *Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850*. Von Karl Marx. Abdruck aus der "Neuen Rheinischen-Zeitung. Politisch-ökonomische Revue", Hamburg, 1850; издана с введением Ф. Энгельса и с включением неизданной до того главы работы в издании Berlin, *Berliner Volksblatt*, 1895. Впервые была

ло ясно, что Февральская революция потерпела поражение. Однако обозреватель «Новой рейнской газеты» утверждал, что в этих поражениях погибла не революция, а традиционные дореволюционные пережитки, возникшие в результате общественных отношений, которые еще не обострились настолько, чтобы принять точную форму классовых противоречий. В этих условиях молодой французский пролетариат, не свободный от «иллюзий», «был еще неспособен совершить свою революцию». Благодаря своей борьбе, своим победам и поражениям, наконец, стало ясно, что завоевание республики не принесет ожидаемого освобождения труда, а только «почву для борьбы за пролетарское освобождение». Долгожданная республика была не чем иным, как буржуазной республикой, политической формой, посредством которой будет достигнуто господство буржуазии, включая сферу политической власти вместе с финансовой аристократией и всех имущих классов<sup>10</sup>. Однако сама диалектика буржуазной контрреволюции готовила механизм революции: крестьяне, мелкая буржуазия, вообще средние слои, видя себя загнанными в открытую оппозицию к официальной республике, которая и относилась к ним как к противникам, становились на сторону пролетариата. Самые разнообразные сторонники социальных реформ и самые скромные притязания средних слоев вдруг были «вынуждены сплотиться вокруг знамени самой крайней революционной партии, вокруг красного флага»<sup>11</sup>.

«Классовая борьба во Франции» – это работой с открытым финалом. Из его текста вытекала возможность (если не необходимость) того, что серьезная конфронтация между двумя великими политическими силами, которые разрывали Вторую Французскую Республику – исполнительной властью в руках Луи Бонапарта и Парламентской ассамблеей, в которой доминировали различные буржуазные фракции, составлявшие Партию порядка, могла быть разрешена посредством пролетарской революции. Такой вариант уже исключается в «18-м брюмере

---

переведена на французский язык в 1900 г., на английский в 1924 г., на испанский в 1938 г.

<sup>10</sup> Marx- Engels, 1955, vol. I, pp. 135, 142, 143, 144 y 145.

<sup>11</sup> Ibid., pp. 222-223.

Луи Бонапарта», написанном после государственного переворота в декабре 1851 г. и накануне провозглашения империи.

Исполнительная власть одержала победу над буржуазными партиями и крупной прессой, которая ее поддерживала, подняв автономизацию государства на уровень, непредполагаемый для автора «Гражданской войны во Франции». То, что до тех пор казалось проходящей аномалией — ошеломляющий электоральный триумф «принца-президента» на выборах 10 декабря 1848 г., на которых каждый из классов и классовых фракций воображаемо представлял его своим представителем, стало реальностью. Луи-Наполеон не только совершил государственный переворот 2 декабря 1851 г., но и немедленно узаконил его плебисцитом 21 числа того же месяца. Уже через год новый плебисцит позволил ему покончить с республикой и провозгласить себя императором, унизив могущественную французскую буржуазию. Тот, кто в 1848 г. казался выскочкой, прибыл, чтобы остаться.

Именно тогда, после государственного переворота, Маркс понимает, что недостаточно добавить последнюю главу к циклу статей «Классовой борьбы во Франции». Необходимо было переписать эту работу, объяснив политические репрезентации и саморепрезентации и особенно процессы формирования коллективного воображаемого. В своей новой работе он представляет действующих лиц этой исторической драмы с их узкими интересами и иллюзиями и показывает нам, как государство, которое до «Манифеста» было задумано Марксом как «совет, управляющий общими делами всего буржуазного класса», могло достичь такой автономии по отношению к этому классу.

Маркс в своих статьях «Классовая борьба во Франции» уже опирался на диалектику между реальным и воображаемым, содержанием и фразой, профанным и священным, лицом и маской, личностью и одеждой. Но как точно заметил Пьер Ансарт, в этих обнадеживающих статьях 1850 г. нисходящая линия, идущая от народного взрыва февраля к возвышению Луи-Наполеона, пересекалась с восходящей линией, в которой реальность смогла бы проявить себя, убирая иллюзии и фразы, суеверия и маски. «Это движение реального было бы не чем

иным, как революционной партией, осуществляющей социальную революцию разрушения воображаемого». Масштаб воображаемого означал для Маркса «Классовой борьбы во Франции» важную роль в игре представлений, но все же низводилось до уровня несущественного, иллюзорного, которое было бы достаточно просто проявить, чтобы показать сопротивление реального<sup>12</sup>.

Несомненно, продолжает Ансарт, объяснение такой неожиданной ситуации нужно было искать, «в конечном счете», в экономическом процветании, начавшемся в конце 1848 г. Но если новый экономический цикл позволял понять затухание народного недовольства и изоляцию революционных вождей, то необходимо было объяснить тот странный «фарс», когда после стольких сражений общество оказалось неспособным созидать новое государство, а государство, казалось, вернулось к старой форме военно-имперского правления. Именно тогда Маркс предлагает искать причины этой неудачи в значении коллективного воображаемого, в частности, речь идет о воспоминаниях, захватывающих «дух живых»<sup>13</sup>.

### Пляска духов и окопные работы

Окончательное возвышение Луи-Наполеона стало тяжелым ударом для немецких изгнанников, для которых Франция оставалась центром их революционных ожиданий<sup>14</sup>. Первоначально именно для них Маркс задумал свое эссе по просьбе своего друга Йозефа Вейдемейера, бывшего прусского офицера, принимавшего активное участие в революциях 1848 г. Эмигрировав по экономическим причинам в Соединенные Штаты, он собирался основать в Нью-Йорке немецкоязычную газету «Die Revolution» («Революция»), ориентированную на большую немецкую общину мигрантов<sup>15</sup>.

В распоряжении Маркса было много материала. Он изучал

---

<sup>12</sup> Ansart, 1968, pp. 99-100.

<sup>13</sup> Ibid., p. 105.

<sup>14</sup> Sperber, 2013, p. 278.

<sup>15</sup> Marx, 1994, vol. IV, tomo I, pp. 1359-1360.

историков революции во время своего пребывания в Париже (с октября 1843 г. по февраль 1845 г., затем с марта по апрель 1848 г. и, наконец, между июнем и августом 1849 г.). Даже за пределами Франции он не переставал следить за политическими событиями в стране, читая французскую прессу. Лондонские газеты также подробно освещали декабрьский переворот<sup>16</sup>. Но если он хотел полностью освещать эти события как журналист, Маркс должен был посылать около трех статей из расчета одну в неделю.

Несмотря на срочность написания статьи, Маркс демонстрирует в «18 брюмера» ослепительную прозу, сравнимую с той, которую он развернул в «Еврейском вопросе», «Введении к Критике гегелевской философии права» или в «Коммунистическом манифесте» (и снова представит ее в некоторых разделах «Капитала»). Здесь появляется серия эпиграмматических фраз, которые в конечном итоге отрываются от оригинального текста и становятся истинными предложениями универсального использования, такими как: История повторяется, но сначала как трагедия, а затем как фарс; Традиция мертвых поколений как кошмар давит на мозги живых; Люди творят историю, но не творят ее свободно, кроме как при обстоятельствах, полученных, а не выбранных ими; Революция черпает свою поэзию не из прошлого, а из будущего; или «Ну копай сам, старый крот!» Несмотря на то, что в «18-м брюмере» он цитирует Гегеля только один раз, Маркс снова ведет с ним интертекстуальную игру, которая, как мы вскоре увидим, дает отсылку к трагедиям Уильяма Шекспира.

Маркс начинает работу ставшим знаменитым абзацем: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопро-

---

<sup>16</sup> Ibid., p. 278.

вождающих второе издание восемнадцатого брюмера!»<sup>17</sup>

Как это случилось и в других случаях, именно письмо его друга Фридриха Энгельса послужило толчком для текста Маркса. Его друг предложил ему на следующий день после этого французского переворота не только главную тему фарса переворота 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII года по республиканскому календарю) Наполеоном Бонапартом, но и придать ему тон между презрением и бурлеском, в котором Маркс собирался писать свое политическое эссе. 3 декабря Энгельс пишет из Манчестера: «Можете ли вы представить себе что-нибудь более забавное, чем эта пародия на 18-е брюмера, осуществленная в мирное время с помощью недовольных солдат для самого ничтожного человека в мире, насколько можно судить, без какого-либо сопротивления? А как красиво все старые идиоты были пойманы! Самый хитрый лис всея Франции, старый Тьер и самый хитрый адвокат Барро [форум Парижа], мсье Дюпен, пойманы в ловушку, расставленную для них самым знаменитым быком века; схватили так же легко, как упрямую республиканскую добродетель мсье Кавеньяка и как молодца Шангарнье! И чтобы завершить картину, парламент в обороне с Одилоном Барро в роли оловянного льва, сам Одилон требует ареста за такие нарушения Конституции, но не может идти в Венсенн!»<sup>18</sup> И далее прибавляет: «Но после того, что мы видели вчера, нечего сказать в пользу реурле [народа – по-французски в оригинале], и действительно кажется, словно старый Гегель руководил историей из своей могилы, как вселенский Дух, где все могло быть добросовестно повторено дважды, первый раз – как великая трагедия, а второй – как страшный фарс. Коссидьер вместо Дантона, Л. Блан вместо Робеспьера, Бартеlemi вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и дурак [Луи Наполеон] с первой дюжиной пойманных в ловушку адъютантов, которых он нашел под рукой, маленький капрал [Наполеон Бонапарт] и его круглый стол маршалов. Вот, таким образом мы подошли к 18-му брюмеру»<sup>19</sup>. Маркс сделал свое собственное пронизательное

---

<sup>17</sup> Marx, 2023, p. 61.

<sup>18</sup> Marx–Engels, 1965, vol. 27, p. 279. (далее MEW).

<sup>19</sup> MEW, op. cit., vol. 27, p. 381.

прочтение Энгельса, которое дало ему даже название его работы. Но он пошел дальше своего друга, приписав бонапартизму теоретико-политическую сущность, выходящую за рамки простого фарса<sup>20</sup>.

Еще один из мощных образов «18-го брюмера» может похвастаться интертекстуальной игрой между Гегелем и Шекспиром, которую Хосе Сазбон осветил в своем блестящем очерке<sup>21</sup>. Когда Маркс указывает, что революционный цикл, начавшийся в 1848 г., уже завершился, он использует гегелевский образ «старого крота» истории, чтобы сказать, что цикл современных революций только начался. За фасадом видимой истории Маркс обращается к метафоре «старого крота», чтобы выявить скрытую работу исторического отрицания. Революция 1848 г. довела парламентскую систему до совершенства, чтобы в итоге свергнуть ее. Бонапартизм теперь довел централизацию и концентрацию власти буржуазного государства до ее максимального выражения, тем самым облегчив условия для захвата политической власти будущей пролетарской революцией. «И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет торжествуя: Ты хорошо роешь, старый крот!»<sup>22</sup>

Гегель уже использовал метафору из Гамлет (“Well said, old mole!”, «Хорошо сказано, старый крот!»<sup>23</sup>), чтобы сослаться на непрекращающееся подспудное движение призрачного духа его отца, Призрака, который своими знаками ведет его в его усилиях оправдаться. Но Маркс в «18 брюмере» противопоставляет негативную работу крота призрака революции 1789 г., который неопытные революционеры увидели в 1848 г. У Гегеля, с другой стороны, крот становится образом невидимой работы Духа, «который нередко копает невидимо, как крот, завершая таким образом свою работу»<sup>24</sup>. В то время как у Маркса работа крота является метафорой необратимого хода современных револю-

---

<sup>20</sup> Draper, 1977, p. 403 y ss.

<sup>21</sup> Sazbón, 1981, pp. 88-103.

<sup>22</sup> Marx, 2023, p. 186.

<sup>23</sup> Шекспир, Гамлет, 1 акт, 5 сцена.

<sup>24</sup> Sazbón, 1981.



ций, которые продолжают свой скрытый путь, несмотря на переходящую стабилизацию буржуазного порядка. У Маркса кротоет свои галереи уже не в области форм мысли, а в области политических форм. Тот, кто «пробивается в реальность», это уже не Философ, а современный пролетариат<sup>25</sup>.

### Перипетии издания

Маркс начинает писать первую главу в декабре 1851 г. Согласно письму Дженни Маркс Фридриху Энгельсу от 17-го числа того же месяца, «как только мавр [Маркс] вернулся из [британского] музея, он начал обжигать пальцы французским делом»<sup>26</sup>. Но эссе, подобное тому, которое он писал, требовало времени на разработку и написание, что сделало невозможным своевременное прибытие статей в Нью-Йорк для публикации в январе 1852 г. в газете немецких эмигрантов. Так с ним бывало в прошлом и повторится в будущем, Маркс вынужден давать объяснения своему редактору. Мало того, что он выполнил сроки, но его текст был больше того, что ожидали. В письме к Вейдемейеру от 19 декабря Маркс объяснял своему другу, что невозможно послать ему первую главу 19 декабря: «Я сижу и работаю над очерком для тебя. Твой заказ был размещен слишком поздно, чтобы быть выполненным сегодня». Он обещал послать первую статью ко вторнику, 23 декабря, с названием, которое было предложено ему вышеупомянутым письмом Энгельса – «18-е брюмера Луи Бонапарта»<sup>27</sup>.

16 января Маркс объясняет Вейдемейеру в новом письме, что он не может отправить третью главу своей работы, потому что недомогание держало его в постели две недели<sup>28</sup>. 23 января он объявил об отправке в ближайшие дни двух новых глав (III и IV)<sup>29</sup>. Через неделю он отправил четвертую статью в Нью-Йорк, а пятую – 17 февраля. Но работа, первоначально задуманная в

---

<sup>25</sup> Ibid.

<sup>26</sup> Marx-Engels, 1975, vol. 38, p. 563.

<sup>27</sup> MEW, vol. 27, p. 594.

<sup>28</sup> MEW, vol. 28, p. 475.

<sup>29</sup> MEW, vol. 28, p. 477.

трех главах, затем расширенная до четырех, а затем до пяти, на этом не закончилась: Маркс объяснил Вейдемейеру, что «вещь, кажется, растет сама по себе, так что вы получите две новые статьи», шестую и седьмую<sup>30</sup>. 20 февраля он снова пишет своему редактору, что его экономические проблемы помешали ему закончить последние две главы. но обязуется отправить их во вторник 24 и пятницу 27 того же месяца соответственно<sup>31</sup>. Но в этот последний день Маркс извинился перед Энгельсом за то, что послал ему на этот раз короткое письмо: «Я занят диктовкой статьи для We[e]ydemeier, а также выпуском и исправлением оставшихся текстов для него»<sup>32</sup>. Наконец, последняя глава была отправлена 25 марта<sup>33</sup>.

Эти задержки в написании означали, что первые статьи Маркса не были опубликованы вовремя в газете, вышедшей к тому времени только два раза (6 и 13 января 1852 г.). Поэтому в письме от 20 февраля 1852 г. Маркс предложил Вейдемейеру опубликовать весь текст в виде брошюры<sup>34</sup>. С помощью немецкого эмигранта, архитектора Адольфа Клусса, Вейдемейер 1 мая 1852 г. стал выпускать журнал с тем же названием, что и газета «Die Revolution». В его первом номере текст Маркса был полностью опубликован под названием «Der 18te Brumaire des Louis-Napoleon». Это был 62-страничный номер журнала с кратким предисловием Вейдемейера.

Это первое издание, тираж которого оценивался в тысячу экземпляров, едва разошлось. В первую очередь потому, что дальше первого номера журнал не пошел. Во-вторых, потому что дефицит ресурсов вынуждал печатать его с мелким набором. Энгельс указал редактору, что чтение раздражает, а Маркс жаловался на количество опечаток<sup>35</sup>. Кроме того, финансовые трудности Вейдемейера помешали ему изъять из печати поло-

---

<sup>30</sup> MEW, vol. 28, p. 489.

<sup>31</sup> MEW, vol. 28, p. 492.

<sup>32</sup> MEW, vol. 28, p. 30.

<sup>33</sup> MEW, vol. 28, p. 510.

<sup>34</sup> MEW, vol. 28, p. 494.

<sup>35</sup> MEW, vol. 28, p. 539.

вину тиража<sup>36</sup>. Около 150 экземпляров было продано Вейдемейером и Клуссом среди подписчиков *Die Revolution* в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе, Ричмонде, Цинциннати, Вашингтоне и в других городах США. Около 300 экземпляров должны были быть отправлены в Европу, из которых 50 должны были продаваться в одном лондонском книжном магазине, а еще 250 должны были распространяться в Германии. Сам Маркс позаботился о том, чтобы договориться с владельцем книжного магазина Трюбнера, чтобы он получил несколько экземпляров в своих лондонских помещениях и отправил столько же в Германию через дистрибьютора Кампе<sup>37</sup>. Но копии поступали медленно. 15 мая Маркс попросил Клусса ходатайствовать перед Вейдемейером о том, чтобы он прислал 300 «брюмеров», потому что он нашел книготорговца в Кельне, готового их продать<sup>38</sup>. 11 июня Энгельс получил несколько экземпляров в Манчестере и снова попросил Вейдемейера прислать 300 экземпляров<sup>39</sup>. 2 сентября Маркс сообщает Энгельсу, что он получил только десять экземпляров<sup>40</sup>. Из другого письма от 25 октября мы знаем, что Маркс получил 130 экземпляров, отправленных Клуссом<sup>41</sup>. Из более позднего письма Маркса к Клуссу можно заключить, что, по крайней мере, часть из 300 экземпляров наконец прибыла в Европу, но теперь по неподходящему случаю, потому что начался процесс против коммунистов Кельна<sup>42</sup>. Маркс лаконично заявляет в прологе ко второму изданию: «Несколько сотен экземпляров этой брошюры уехали в Германию, но так и не поступили в собственно книжную торговлю»<sup>43</sup>.

Через несколько лет это издание стало библиографической редкостью. Социалист Вильгельм Либкнехт посетил Маркса в Лондоне в 1863 году и привез несколько экземпляров «18 брюмера» в Берлин, но его усилия по переизданию работы в Герма-

---

<sup>36</sup> MEW, vol. 28, p. 113.

<sup>37</sup> MEW, vol. 28, p. 68.

<sup>38</sup> MEW, vol. 28, p. 523.

<sup>39</sup> MEW, vol. 28, p. 529.

<sup>40</sup> MEW, vol. 28, p. 124.

<sup>41</sup> MEW, vol. 28, p. 161.

<sup>42</sup> MEW, vol. 28, p. 560.

<sup>43</sup> Marx, 2023, p. 57

нии были тщетными<sup>44</sup>. Попытки Маркса убедить издателя Ф. Штрайта из Кобурга или издателя Якоба Шабелица из Базеля начать новый тираж также не увенчались успехом, также как и найти английского издателя<sup>45</sup>. В конце концов Марксу удалось договориться с гамбургским издателем Отто Мейснером издать в 1869 г. второе издание, в которое он внес некоторые исправления и добавил пролог. Кроме того, название первого издания (*Der 18te Brumaire des Louis-Napoleon*) было заменено на окончательное (*Der 18te Brumaire des Louis Bonaparte*). Издания Вейдемейера и Мейснера были единственными изданиями, опубликованными при жизни Маркса.

Энгельс выпустил третье немецкое издание в 1885 г., через два года после смерти Маркса, добавив предисловие. Первый итальянский перевод появился в Риме в 1896 г., а первая английская версия — в Нью-Йорке в 1898 г., а на русском языке — в 1894 г. в Женеве. Первый французский перевод появился в Лилле в 1891 г., выполненный молодым лидером зарождающейся Французской рабочей партии. Вторая французская версия была опубликована в Париже в 1900 г. научно-популярным издательством в сборнике «Классовая борьба во Франции». Он окончательно вошел в марксистский канон, когда был включен Д. Рязановым в критическое издание работ Маркса-Энгельса, известное как МЕГА (*Marx-Engels-Gesamtausgabe*), а затем переведено Жюлем Молитором для популярного издания «Oeuvres» Маркса и Энгельса в небольших томах, опубликованных издателем Костесом в 1920-30-х годах. Первая испанская версия появилась в Буэнос-Айресе в 1934 г., изданная редакцией *Claridad* за год до того, как работа вышла в Мадриде<sup>46</sup>.

Именно со второго послевоенного периода последовали издания, переведенные за несколько лет более чем на тридцать языков. Сначала он был опубликован издательствами, связанными с коммунизмом, такими как *Éditions Sociales* в Париже,

---

<sup>44</sup> Starck, 2021.

<sup>45</sup> MEW, vol. 28, p. 124.

<sup>46</sup> Carlos Marx, *El XVIII Brumario de Luis Bonaparte*, Buenos Aires, *Claridad*, noviembre de 1934, перевод Хофки; Carlos Marx, *El 18 Brumario de Luis Bonaparte*, Madrid, *Bergua*, 1935, перевод Хосе Бульехоса.

Dietz Verlag в Берлине или Anteo в Буэнос-Айресе, но вскоре коммерческие издательства взяли верх. Московские издания на иностранных языках, «Прогресс», издавали его не только на русском, но и на испанском, французском, английском языках и на различных языках республик, входивших в состав Советского Союза. Только в период с 1931 по 1970 г. этот издательский центр марксистской культуры выпустил 53 издания «18 брюмера» (16 из них на русском языке), общий тираж которых составил один миллион четыреста тысяч экземпляров<sup>47</sup>. Спустя столетие после своего первого издания, когда в XIX в. эта работа Маркса столкнулась со многими трудностями распространения, к 1950-м годам оно стало доступно по всему миру, как в академических версиях, так и в популярных изданиях. Его охват аудитории превзошел «коммунистическую вселенную», став классикой современной политической мысли.

### Современное прочтение

Были отмечены многочисленные белые пятна об этом тексте Маркса. Несомненно, что политическое презрение к фигуре Луи Бонапарта, разделяемое в то время почти всеми современниками, затрудняло восприятие его как делателя капиталистического развития и модернизации, которые имели место в течение двух десятилетий, в течение которых расширялась Вторая французская империя (1852-1871). Точно так же было замечено, что концепция государства как искусственной и паразитической машины, унаследованной от абсолютной монархии и сводимой к репрессивным (военным) и угнетающим (бюрократическим) измерением над гражданским обществом<sup>48</sup>, концепции,

---

<sup>47</sup> Крылов Б.А. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Большая советская энциклопедия. М.Э Советская энциклопедия, 1969-1978: <http://bse.uaio.ru/BSE/1502.htm>

<sup>48</sup> Маркс пишет: «Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры,

доминировавшей среди марксистов, по крайней мере, до появления «Тюремных тетрадей» Антонио Грамши, затмившей производительное измерение, которое включало в себя современное государство в самом начале зарождения капиталистического порядка и в ходе его мировой экспансии<sup>49</sup>.

Негативный взгляд Маркса на крестьянство как на неизбежно консервативный класс («варварство внутри цивилизации»), своего рода «некласс», структурно неспособный построить свое собственное политическое представительство, был подвергнут сомнению как «случай социального догматизма»<sup>50</sup>. И даже в марксистской традиции этот тезис неоднократно подвергался сомнению<sup>51</sup>. Во-первых, он потерял вес в современной марксистской культуре из-за решающей роли, которую сыграли крестьянские классы в революционных и деколонизационных процессах капиталистической периферии во второй половине XX в. И совсем недавно, современная борьба за землю, природные ресурсы и продовольствие, проводимая с 1992 г. движениями «Крестьянский путь», открывает глобальную перспективу для антикапиталистической борьбы, невысказанную в концептуальных рамках «18 брюмера»<sup>52</sup>. В пользу автора этой работы можно утверждать, что задолго до этих процессов, столкнувшись с «русским путем к социализму», предложенного народниками в 1870-х гг., поздний Маркс получил возможность пересмотреть свой исключительно негативный взгляд на органическую систему ценностей крестьянского мира<sup>53</sup>.

Британский историк Гарет Стедман Джонс, со своей стороны, отметил, что эта работа Маркса недооценила самое важное из завоеваний 1848 г.: «появление новой формы демократической политики, возникшей в результате непосредственного участия «народа» (или, по крайней мере, взрослых мужчин) в из-

---

возник в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять». – Marx, 2023, p. 186.

<sup>49</sup> Wolfe, 1980.

<sup>50</sup> Mitrany, 1951.

<sup>51</sup> Rossi, 1978, pp. 137-143; Duggett, 1975, pp. 159-182.

<sup>52</sup> Rousset, 2014.

<sup>53</sup> El Marx tardío y la vía rusa, 1990.

бирательном процессе»<sup>54</sup>. Точно так же другой биограф Маркса указал, что французские социалисты, которых Маркс высмеивает в «18 брюмера», были его же контактами, которые он сам установил в годы, предшествовавшие Февральской революции, и которые помогли ему и его небольшой группе покинуть Брюссель и поселиться в Кельне весной 1848 г. Он насмеялся над их иллюзиями повторения 1789 г. в 1848 г., но сам Маркс, «как редактор «Новой рейнской газеты» и в рамках немецкого демократического движения, сосредоточился именно на воскрешении революции 1789 года». Новая газета, начатая Марксом в 1848 г., справедливо имела подзаголовок «Орган демократии». Шпербер приходит к выводу, что «18-е брюмера» «представляет собой особенно крайний пример практики Маркса заниматься самокритикой через критику других»<sup>55</sup>.

Эти и другие критические наблюдения, которые было бы бессмысленно резюмировать здесь, не помешали «18 брюмеру» Маркса стать классикой современной политической мысли. Как и любой классик, эта работа применялась к различным отраслям современного знания, даже за пределами марксизма. В этом смысле красноречиво свидетельство антрополога Клода Леви-Стросса: «Чтение Маркса захватило меня тем более, что через этого великого мыслителя я впервые соприкоснулся с философским течением, идущим от Канта до Гегеля. С этого момента эта страсть никогда не казалась противоречивой, и я редко брался за решение проблемы социологии или этнологии, не оживив предварительно свои размышления несколькими страницами из «18 брюмера Луи Бонапарта» или из «Критики политической экономии»<sup>56</sup>.

Марксистская коррекция философии Гегеля — история происходила сначала как трагедия, а затем как фарс — была подхвачена бесчисленным количеством авторов в самых разных контекстах. Например, в эпилоге к немецкому изданию «18

---

<sup>54</sup> Stedman Jones, 2018, pp. 391-392. Этот автор указывал, что анализ люмпен-пролетариата на службе Бонапарта создавал «городской миф» XIX в. об «опасных классах». Ibid, p. 395 y ss.

<sup>55</sup> Sperber, 2013, pp. 279-289.

<sup>56</sup> Levi-Strauss, 1973, p. 45.

брюмера» 1965 г. философ Эберт Маркузе указывал, что анализ Маркса предвосхитил тоталитаризм XX в.: парламентская республика превратилась в военно-политический аппарат, во главе которого харизматичный лидер принимал решения, которые сама буржуазия уже не могла принять. в то время как пролетариат ушел со сцены. Маркузе пришел к выводу, что с учетом опыта фашизма и нацизма фарс был более страшным, чем предшествовавшая ему трагедия<sup>57</sup>. Полвека спустя словенский философ Славой Жижек заметил, что современный либерализм в начале XXI в. умирал дважды: сначала как трагедия, с нападениями на Башни-близнецы 11 сентября 2001 г., а затем во время капиталистического кризиса 2008 г. в виде фарса, с закачиванием миллиардов долларов в банковскую систему с целью стабилизации финансовых рынков<sup>58</sup>.

Недавно немецкий философ Петер Слотердейк увидел в этих образах повторения своего рода «закон дублирования», который доминирует над историческими событиями, в которых буржуазия проявляет свой интерес к свободе: «Буржуа — это маска души денег. По-видимому, в то время как в первом героическом спектакле речь всегда идет о свободе, о свободе без эпитетов, о свободе личности, того, кто начинает заново без каких-либо предварительных условий, воссоздания показывают, что, в конечном счете, только свобода конечных буржуазных интересов может означать: зарабатывать денег с наименьшими возможными усилиями за счет других. Одним словом, свобода ренты и доходов, свобода движения товаров и денег, которая должна начинаться как стремление к свободе совести и заканчиваться свободой совести. Чем позже воссоздается революционное произведение, тем меньше в нем должен проявляться, по Марксу, материальный интерес актеров, тем быстрее герои свободы сменяются либералами ради дохода, тем циничнее акционеры снимают идеалистическую маску в либеральном театре, чтобы со всей откровенностью подойти к своему главному вопросу, к вопросу капитала»<sup>59</sup>.

---

<sup>57</sup> Marcuse, 1965, p. 143.

<sup>58</sup> Žižek, 2011.

<sup>59</sup> Sloterdijk, 2021, pp. 23-24.



Современных откликов на работу бесчисленное множество. Было отмечено, что это видение исторического повторения как кошмара находит отклик в «Улиссе», когда Джеймс Джойс заставляет Стефана Дедала сказать: «История — это кошмар, от которого я пытаюсь пробудиться»<sup>60</sup>.

Следующий раздел, в котором Маркс ссылается на диалектику между субъектом и структурой («Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»), представлял собой обязательный ориентир для марксизма от Антонио Лабриолы до Антонио Грамши и Родольфо Мондольфо, подчеркивавшие человеческую деятельность как двигатель истории.

Однако в исповедании Марксом своей онтогенетической веры акцент делается на обстоятельствах, унаследованных от прошлого, которые устанавливают ограничения и влияют на человеческую деятельность. Эта структура, задающая условия, не появляется в «18 брюмера», где речь идет просто о производственных отношениях. Эти отношения не представлены открытыми, очевидными для социальных акторов, а кажутся значимыми, опосредованными политикой и даже памятью, то есть символами, образами, языками. В этом смысле «18-е брюмера» открыло путь к разработке теории социального воображаемого Корнелиуса Касториадиса, к формулировке понятия коллективного воображаемого Эдгара Морины или к обогащению теории идеологий Пьера Ансарта<sup>61</sup>. Также было отмечено, что работа Маркса предвосхитила бы в последнее время «теоретико-дискурсивные взгляды на перформативную природу языка, дискурсивное конституирование идентичностей и интересов и

---

<sup>60</sup> Harries, 1995, p. 36.

<sup>61</sup> Castoriadis, 1983; Morin, 1956; Ansart, 1977 Правда, Касториадис развивает свою теорию воображаемого общества в споре с марксизмом. Однако оружие его критики направлено на экономистский марксизм, который сводил политическое и воображаемое к его экономическому *ultima ratio*, уровень сущностей к уровню причинно-следственных связей, к редукционистской логике, которой нет в «18 брюмера»..

их роль в формировании форм и условий политической борьбы». В этом смысле британский политолог Боб Джессоп предложил прочитать эту работу «как вклад в критику семиотической экономики»<sup>62</sup>.

С «18-го брюмера» политическое измерение приобретает в мысли Маркса сущностный (а не производный) объяснительный вес экономического процесса. Политическое выступает здесь не как надстройка над экономическим и не как прямое выражение социального (социальные классы и их классовые фракции). Напротив, политическое, по-видимому, формирует социальное. Дело в том, что, не признавая большего веса, некоторой непрозрачности отношений между классовыми позициями и политическими действиями, не придавая в сумме автономии политическому измерению, невозможно было расшифровать загадку государственного переворота 1851 г. По этой причине «18 брюмера» также является точкой отсчета для той точки зрения, которая, начиная с Антонио Грамши, продолжая Никосом Пуланцасом и продолжая Бьяджо Ди Джованни и Джакомо Маррамао, постулировала тезис об автономии политического<sup>63</sup>.

### Бонапартизм, цезаризм, популизм

Эта работа Маркса послужила отправной точкой для обширной литературы о феномене бонапартизма. После международного распространения «18 брюмера» бонапартизм перестал обозначать короткую и сомнительную французскую династию XIX в., оспаривающую трон у двух других королевских домов (легитимистами и орлеанистами), а стал обозначать чрезвычайный политический режим, действовавший в различных формах в течение бурного XX в. В марксистской культуре (и за ее пре-

---

<sup>62</sup> Jessop, 2002, p. 182.

<sup>63</sup> Никос Пуланцас с конца 1960-х гг. поддерживал тезис об «относительной автономии государства по отношению к социальным классам» как более эффективный способ защиты и управления интересами правящих классов, а также получения поддержки со стороны подчиненных классов. Poulanzas, 1969; Marramao, 1982; Giovanni, 1984; Tronti, 2019.

делами) термин бонапартизм стал характеризовать ситуацию социальной поляризации между антагонистическими классами, которые, нейтрализуя друг друга, позволили появиться третьей силе, возглавляемой фигурой, каким-то образом внешней по отношению к системе и способной концентрировать максимальную политическую власть, обращаясь непосредственно к народу, не прибегая к традиционной системе представительства.

Разные авторы обращались к этой гибридной форме, в которой сочетались элитарность и плебейство, авторитаризм и плебисцитарная демократия, иерархически организованное общество и надклассовое национальное единство, для определения политических явлений XX века, которые нелегко было отнести ни к левым, ни к правым, ни к классическому центру. Ф. Энгельс был первым, кто расширил использование термина бонапартизм для обозначения режима, возглавляемого канцлером Отто фон Бисмарком в период объединения Германии и основания империи<sup>64</sup>, хотя много раз в его переписке концепция бонапартизма пересекается с более неточным, но более современным понятием «цезаризм»<sup>65</sup>.

Как видно из предисловия ко второму изданию «18 брюмера», Маркс отверг для современной жизни термин «цезаризм» — политический режим, свойственный классической античности, основанный на народном руководстве успешного военачальника, обладающего сильной властью за счет олигархических элит. Луи-Наполеон не был проконсулом, который годами строил военно-политическое руководство и который победил в Галльских войнах: внезапное возвышение этого «маленького

---

<sup>64</sup> Энгельс отмечал, что Бисмарк «пытается организовать пролетариат в своих интересах, затормозив политическое выступление буржуазии», и добавляет: «Что это, как не бонапартистская процедура?». Friedrich Engels, “Contribución al problema de la vivienda // Marx-Engels, Obras escogidas en dos tomos, Moscú, Progreso, 1955, tomo I, p. 622 y ss. Также см.: Volpi, 1979.

<sup>65</sup> Слово «цезаризм» появилось в «Dictionnaire de la Langue française» Литтре в 1863 г. как «господство цезарей, т.е. князей, приведенных к управлению демократией, но облеченных абсолютной властью», в то время как слово «бонапартизм» относилось только к «имперскому правительству, основанному Наполеоном I и его династией». Littré, 1863, vol. I (A-C), p. 534.

человека» объяснялось «обстоятельствами и условиями», созданными современной «классовой борьбой». Однако понятие цезаризма к тому времени получило широкое распространение в глобальном масштабе. В том же году, когда Маркс написал пролог ко второму изданию, аргентинец Хуан Баутиста Альберди начал свою работу «Преступление войны», где даже республики Южной Америки представлялись подчиненными «цезаризму без короны»<sup>66</sup>.

В начале XX в. термин «цезаризм» даже приобрел права академического гражданства при вступлении в зарождающуюся политическую науку. Макс Вебер говорит о демократическом цезаризме (или плебисцитарном), чтобы определить обоснованность одной из трех идеальных форм власти (харизматического лидерства) в современных демократиях<sup>67</sup>. Форма личной плебисцитарной власти появилась у Вебера как ответ на разочарование, порожденное современной политикой, превратившейся в обычную бюрократическо-административную машину.

Антонио Грамши также принимает использование понятия цезаризма, очень частому в итальянской политической традиции, используя его как концепцию бонапартизма в своей «Тетради XIII» («Краткие заметки о политике Макиавелли»). Он рассматривает цезаризм как наиболее вероятное решение органического кризиса (кризиса представительства), в котором две фундаментальные силы общества находятся в равновесии, неспособные уничтожить друг друга, что продолжение их борьбы будет означать катастрофу. Катастрофический равновесие обычно разрешается появлением третьей силы, часто «великой личностью», великим посредником, который в конечном итоге одерживает верх, подчиняя обе конфликтующие силы. Грамши находит в современной истории случаи «прогрессивного цезаризма», а также «реакционного цезаризма». Кромвель и Наполеон I представляют первый вариант, в то время как Наполеон III, Бисмарк и Муссолини являются примерами реакционного цезаризма<sup>68</sup>.

---

<sup>66</sup> Alberdi, 2005.

<sup>67</sup> Weber, 1987, p. 721.

<sup>68</sup> Gramsci, 1999, tomo V, pp. 65-67.

Лев Троцкий еще более широко использовал термин бонапартизм, например, когда использовал его для описания природы советского режима при Сталине. Для автора книги «Преданная революция» (1936) провал революции в Европе и последовавшая за этим изоляция зарождающегося рабочего государства привели к усилению правящей касты, которую он назвал бюрократией. Опираясь на рабочий класс без политического посредничества, режим, контролируемый полицией и бюрократией, принял бонапартистский характер: «Сталинский режим, который возвышается над политически атомизированным обществом, опирается на полицейский и офицерский корпус и не допускает над собою никакого контроля, представляет явную вариацию бонапартизма, нового, еще не виданного в истории типа. Цезаризм возник в условиях потрясаемого внутренней борьбой рабского общества. Бонапартизм есть одно из политических орудий капиталистического режима, в его критические периоды. Сталинизм есть разновидность той же системы, но на фундаменте рабочего государства, раздираемого антагонизмом между организованной и вооруженной советской аристократией и безоружными трудящимися массами»<sup>69</sup>.

В то время как теория бюрократии Троцкого была воспринята в современной европейской мысли теоретиками автономии политического (во многом через работы Клода Лефорта<sup>70</sup>), труды русского революционера о бонапартистском характере латиноамериканских националистических режимов пустили глубокие корни на новом континенте. Именно в своей дискуссии с мексиканскими троцкистами, которые понимали режим, рожденный революцией, как эквивалент Порфириато, поскольку он представлял собой лишь новый этап в развитии капитализма, Троцкий предложил для его характеристики категорию бонапартизма. Антиисторический, абстрактный подход его мексиканских товарищей — правительство мексиканской революции было еще одним «буржуазным правительством» — препятствовал любому политическому взаимодействию, особенно в то

---

<sup>69</sup> Trotsky, 1938, pp. 228-229.

<sup>70</sup> Lefort, 1970.

время, когда правительство генерала Ласаро Карденаса продвигало аграрную реформу и национализировало нефть и железные дороги<sup>71</sup>. С другой стороны, признавая латиноамериканские национально-народные режимы бонапартистскими, посредниками между империалистическим капиталом, крестьянскими массами и пролетариатом, пролетарская партия могла поддерживать свои прогрессивные мероприятия с независимых позиций и в то же время дистанцироваться от авторитарных тенденций этих режимов (прежде всего от их государственно-полицейского контроля над профсоюзами). С точки зрения Троцкого, термин «марксовый», по-видимому, был переопределен в геополитических терминах, поскольку бонапартистский режим на капиталистической периферии мог играть посредническую роль между империалистическим капиталом и массами или даже завоевать определенную степень автономии между противостоящими империалистическими силами. Троцкий писал, что в промышленно отсталых странах решающую роль играет иностранный капитал. Отсюда относительная слабость национальной буржуазии по отношению к национальному пролетариату. Это создает особые условия для государственной власти. Правительство вращается между иностранным и отечественным капиталом, между относительно слабой национальной буржуазией и относительно могущественным пролетариатом. Это придает правительству бонапартистский характер. Оно возвышается, так сказать, над классами. В действительности оно может управлять, либо став орудием иностранного капитализма и подчинив пролетариат цепями полицейской диктатуры, либо маневрируя с пролетариатом, даже идя на уступки ему, получая таким образом возможность иметь известную свободу по отношению к иностранным капиталистам. Политика [мексиканского правительства] отражает второй вариант, а его величайшими достижениями являются экспроприация железных дорог и нефтяных компаний<sup>72</sup>.

Эти тезисы Троцкого вскоре получили широкое распростра-

---

<sup>71</sup> Trotsky, 1976, pp. 209-228.

<sup>72</sup> Trotsky, 1976, p. 61.

нение по всей Латинской Америке. Через пять лет после его убийства аргентинские троцкисты обратились к категории «бонапартизм», чтобы попытаться объяснить внезапное восхождение правительства полковника Хуана Д. Перона. Феномен перонизма, казалось, точно отвечал марксистской категории: военачальник, не принимавший участия в политике, но участвует в государственном перевороте и становится лидером, непосредственно обращающийся к народу вне системы политического представительства. Перонистское государство, казалось, внезапно автономизировало себя над соперничающими классами, чтобы найти решение не только борьбы между капиталом и трудом, но и между находящимся в стадии упадка британским империализмом и растущим американским империализмом. Именно так это понимали Хорхе Абелардо Рамос, хотя и с разными акцентами, со страниц журнала *Octubre* и Науэль Морено со страниц газеты *Frente Proletario*<sup>73</sup>. Это правда, что неясность категории позволила Рамосу поддержать перонизм как «прогрессивный бонапартизм», а Морено противостоять ему как «реакционному бонапартизму». Однако обращение к бонапартизму дало троцкистам эпистемологическое и политическое преимущество перед их социалистическими и коммунистическими соперниками, которые, просто борясь с перонизмом как режимом фашистского типа, не смогли понять непреодолимую преданность рабочих масс бонапартистскому лидеру. Категория также оказалась подходящей для характеристики Евы Перон, что Мильсиадес Пенья со своим обычным юмором назвал «бонапартизмом в юбке»<sup>74</sup>.

Карденизм и перонизм были не единственными «воплощениями» бонапартизма в Латинской Америке. Среди прочих бразильские троцкисты видели в *Estado Novo* Жетулиу Варгаса бонапартистский режим<sup>75</sup>. Напротив, политические режимы, которые в Европе XIX в. казались аномалией, в следующем столетии явились на новом континенте как норма. Эта латиноамериканская «нормализация» бонапартизма подразумевала изме-

---

<sup>73</sup> Tarcus, 1996.

<sup>74</sup> Parera Denis, s.d. p. 12.

<sup>75</sup> Demier, 2013.

нение его места в политической мысли, от первоначального осуждения к оправданию и даже одобрению.

Использование термина «бонапартизм» с 1980-х гг.<sup>76</sup> отмечается все меньше, тогда приобрело академическую легитимность замещающее его понятие – популизм. Последний исторический поворот, который получила семантика бонапартизма, нашелся у Эрнесто Лакло в его теории популизма. Сформированный в «национальных левых» с троцкистскими корнями, этот аргентинский политолог переформулировал через Лакана теорию бонапартизма Рамоса в свою собственную теорию популизма, сделав многозначные политические интерpellации бонапартистских лидеров, теперь переименованных в популистов, ставших ключевым элементом его теории гегемонии. В отличие от классовых интерpellаций, типичных для классического марксизма, Лакло подчеркивал гегемонистскую эффективность популистского дискурса, способного перформатически ссылаться на «народ», которого ранее не существовало. Именно в пустом характере термина «народ» (без предварительной корреляции с уже конституированным социальным субъектом) кроется сила, а не слабость популистских постулатов.

Маркс, вероятно, интуитивно понял эффективность пустых значений, когда писал, что Луи Бонапарт именно «потому, что он был ничем, мог означать всё». Сам Бонапарт был олицетворением пустой значимости. В то время как автор «18-го брюмера» не доверял обращениям высших классов к «народу» вне классового разделения со стороны демократов 48-го года и относился к бонапартизму с презрением, сравнимым только с тем, которое он испытывали к царскому самодержавию и «прусскому духу»<sup>77</sup>, постмарксизм Лакло закончил тем, что превратил

---

<sup>76</sup> Раздел аргентинской истории Аберлардо Рамоса, начавшийся с 1943 г., был назван его автором как «эпоха бонапартизма». Книга выдержала 4 переиздания: Ramos J.A. *La época del bonapartismo*, Buenos Aires, Amerindia, 1957; La Reja, 1961; Mar Dulce, 1970; Plus Ultra, 1972). 5-е издание вышло в 1981 г. уже под названием «эпоха перонизма» – *La época del peronismo* (Buenos Aires, Mar Dulce, 1981).

<sup>77</sup> Sperber, 2013.



логику политического конструирования популизма в синоним политического конструирования *par excellence*, в политическую логику *tout court*<sup>78</sup>. Лакло, начавший в юности с острого марксистского анализа популизма, завершил свой путь в качестве популистского критика марксизма. Но на этом его приключения не закончились. В 2013 г. группа политологов из Мадрида и Барселоны во главе с Пабло Иглесиасом и Иньиго Эррехоном приняла теории Лакло, переводя латиноамериканские популистские разрывы (народ против олигархии) на испанскую сцену (народ против политической касты)<sup>79</sup>.

Географический и семантический маршрут бонапартизма был обширным и насыщенным событиями с тех пор, как немецкий эмигрант в Лондоне сформулировал этот термин для объяснения исключительное разрешение политического кризиса. Работа, опубликованная в Нью-Йорке, не получила ожидаемого приема в Новом Свете, но восемьдесят лет спустя она получила реванш: русский эмигрант снова ввез ее на этот раз в Латинскую Америку, где уже получила большое внимание приема. Здесь этот термин утратил до некоторой степени свой уничижительный характер, поскольку некоторые бонапартизмы могли быть «прогрессивными». Сорок лет спустя аргентинский политолог переформулировал его как популизм и вернул в Европу как теоретическую новинку. Замыкая круг, группа молодых испанских ученых следующего поколения приняла его как ключ для политического решения кризиса европейского представительства.

### Поэзия будущего

Деррида напоминает нам, что Маркс, этот бессонный призрак, который преследовал капитализм в конце XX в., сам вызвал призрак коммунизма, который уже в 1848 г. пугал Европу. Призраки Маркса указывали на то, что автор «Капитала» пытался вызвать в воображении на протяжении всей своей работы ряд призраков и фетишей, типичных для мира, где челове-

<sup>78</sup> Laclau, 1978; Laclau, Mouffe, 1987; Laclau, 2005.

<sup>79</sup> Errejón, 2021.

ские отношения казались овеществленными, в то время как некоторые человеческие продукты — товар, деньги, капитал, государство — в конечном итоге возводились в фантастические предметы, которые управляли самими производителями<sup>80</sup>. Марксистская утопия — коммунизм — была не чем иным, как социальный порядок, в котором эти фетиши утратили свою силу притяжения с тех пор, как производители возвращали себе свои отчужденные возможности. С точки зрения Маркса, как только человеческое сообщество перестанет управляться автоматизмом рынка, социальные отношения станут ясными и рациональными: тогда фетиши исчезнут, и мужчины (добавим теперь и женщины), уже организованные как свободно ассоциированные производители, восстановят свой статус творческих субъектов.

С прицелом на наступление человеческого общества, наконец, свободного от фетишей и призраков, можно было понять, что Маркс «18 брюмера» стремился к тому, чтобы будущая социальная революция смогла «избавиться от всякого суеверного почитания прошлого», избавиться от гнетущего груза памяти о «мертвых поколениях», воздерживаться от повторного вызова «духов прошлого», заимствования их имен, лозунгов и уважаемых маскировок. Можно ли из этого заключить, что Маркс стремился к тому, чтобы современный пролетариат осуществил будущие революции с программой без мечты или без воображаемых идеалов, провозглашающей нейтральный язык, свободный от иллюзий, свободной от поэзии, упраздняющей театральную демонстрацию современной политической сцены?<sup>81</sup>

По правде говоря, Маркс не стремится к революции без поэзии: «Социальная революция XIX века, — пишет он на первых страницах «18 брюмера», — может черпать свою поэзию толь-

---

<sup>80</sup> Derrida, 1995.

<sup>81</sup> Исследователь драматического искусства Йорн Этцольд хотел видеть в «18 брюмера» инвективу против театра. Маркс думал о современной политике как о великом театральном представлении в эпоху после 1789 г., но для пролетарских революций он выдвигал новую политическую форму, которая должна была порвать с театральностью. Революционная политика, как и революционное искусство, должна была обернуться против театра. см: Etzold, “ 2012, pp. 173-192.

ко из будущего, а не из прошлого». Как указывал Ансарт, «Маркс не утверждает, что пролетарская революция должна быть осуществлена без мечтаний или воображения; он просто говорит о том, что нужно радикально ликвидировать суеверия, связанные с прошлым, чтобы создать свое воображаемое исключительно из собственного будущего. Решающая привилегия революционного пролетариата состояла бы не в том, чтобы разрушить коллективное воображаемое, а в том, чтобы создать воображаемое, совместимое с научным анализом, придав ему поэтическое содержание, соответствующее целям всеобщего освобождения, возвысив его значение»<sup>82</sup>. Короче говоря, Маркс стремился к тому, чтобы будущие социальные революции развили на основе доступных семиотических ресурсов собственный новый политический язык, вдохновленный задачами будущего<sup>83</sup>.

Революции XX в. неизбежно смотрели в зеркало своих предшественников. Дух Парижской Коммуны жил среди большевиков, в то время как русская революция 1917 г. была общей матрицей для последующих революций. От Китая до Северной Кореи, Кубы, Камбоджи и Вьетнама призрак Сталина висел над ними, как кошмар<sup>84</sup>. Теперь революциям XXI века предстоит реализовать древнее обещание освобождения человечества при условии, что они изобретут свою собственную поэзию: поэзию будущего.

#### Библиография/References

- Alberdi J.B.* La guerra o el cesarismo en el Nuevo Mundo. Buenos Aires: Universidad de San Martín, 2005.
- Ansart P.* Ideologies, conflits et pouvoir . Paris: P.U.F, 1977
- Ansart P.* Marx et la théorie de l'imaginaire social // Cahiers internationaux de Sociologie, vol. XLV, 1968, pp. 99-116.
- Castoriadis C.* La institución imaginaria de la Sociedad. Barcelona: Tusquets, 1983, 2 vols.

---

<sup>82</sup> Ansart, 1968, p. 113.

<sup>83</sup> Jessop, 2002.

<sup>84</sup> Traverso, 2021.

- De Jenny Marx a Engels, Londres, 17 de diciembre de 1851 // Marx-Engels Collected Works. Londres: International Publishers, 1975, vol. 38.
- Demier F.* O longo bonapartismo brasileiro: 1930-1964. Um ensaio de interpretação. Río de Janeiro: Mauad X, 2013.
- Derrida J.* Espectros de Marx. El Estado de la deuda, el trabajo del duelo y la nueva Internacional. Madrid: Trotta, 1995.
- Discusión sobre América Latina // Trotsky L. Sobre la liberación nacional. Bogotá: Pluma, 1976.
- Draper H.* Karl Marx's Theory of Revolution, Vol. 1: State and Bureaucracy. New York: Monthly Review Press, 1977.
- Duggett M.* Marx on peasants // The Journal of Peasant Studies. vol. 2, nº 2. Londres, 1975, pp. 159-182.
- El Marx tardío y la vía rusa. Marx y la periferia del capitalismo / Teodor Shanin (ed.) Madrid: Revolución, 1990.
- Errejón Í.* Con todo. De los años veloces al futuro. Madrid: Planeta, 2021.
- Etzold J.* Revolution ohne Szene. Marx' Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte in Theaterfeindlichkeit // Theaterfeindlichkeit / Stefanie Diekmann et alter (eds.) München: W. Fink, 2012.
- Giovanni B.* La teoría política de las clases en El Capital. México: Siglo XXI, 1984.
- Gramsci A.* Cuadernos de la cárcel. México: Era, 1999. tomo V.
- Harries M.* Homo Alludens: Marx's Eighteenth Brumaire // New German Critique. № 66, Cornell, 1995.
- Haupt G., Löwy M.* El marxismo y la cuestión nacional. Barcelona: Fontamara, 1980.
- Jessop B.* The Political Scene and the Politics of Representation: Periodizing Class Struggle and the State // The Eighteenth Brumaire Marx's Eighteenth Brumaire. (Post)modern interpretations, / Mark Cowling, James Martin (eds.) Londres: Pluto Press, 2002.
- Laclau E.* La razón populista, Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2005.
- Laclau E.* Política e ideología en la teoría marxista. México: Siglo XXI, 1978.
- Laclau E., Mouffe C.* Hegemonía y estrategia socialista. Madrid: Si-

glo XXI, 1987.

*Lefort C.* ¿Qué es la burocracia? París: Ruedo Ibérico, 1970.

*Levi-Strauss C.* Tristes trópicos. Buenos Aires : Eudeba, 1973.

*Littré E.* Dictionnaire de la Langue française. Paris: Hachette, 1863, vol. I.

*Marcuse H.* Nachwort // Marx K. Der 18. Brumaire des Louis Bonaparte. Frankfurt del Meno: Insel, 1965.

*Marramao G.* Lo Político y las transformaciones. Crítica del capitalismo e ideologías de la crisis entre los años 20 y 30. México: Siglo XXI, 1982;

*Marx C.* El 18 Brumario de Luis Bonaparte. Madrid: Bergua, 1935.

*Marx C.* El XVIII Brumario de Luis Bonaparte. Buenos Aires: Claridad, 1934.

*Marx K.* –*Engels F.* Werke. Berlín: Dietz Verlag, 1965, vol. 27, (MEW).

*Marx K.* Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850. Von Karl Marx. Abdruck aus der “Neuen Rheinischen-Zeitung. Politisch-ökonomische Revue“, Hamburg, 1850.

*Marx K.* El 18 Brumario de Luis Bonaparte. Buenos Aires: Siglo XXI, 2023.

*Marx K.* Las luchas de clases en Francia de 1848 a 1850 // Marx C.-*Engels F.* Obras escogidas en dos tomos. Moscú: Ediciones en Lenguas Extranjeras, 1955, vol. I.

*Mayer A. J.* La persistencia del Antiguo Régimen. Europa hasta la Gran Guerra. Madrid: Alianza, 1986.

*Mitrany D.* Marx Against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1951.

*Morin E.* Le cinéma ou l’homme imaginaire. Paris: Minuit, 1956.

*Parera Denis A.* [Milciades Peña] Apuntes para una historia del peronismo. 3. El gobierno del ‘como si’ // Fichas de investigación económica y social. n° 7, Buenos Aires.

*Poulanzas N.* Poder político y clases sociales en el Estado capitalista. México: Siglo XXI, 1969.

*Proudhon P.-J.* La Révolution sociale démontrée par le coup d’État du 2 décembre. París: Garnier, 1852.

*Ramos J.A.* La época del bonapartismo. Buenos Aires: Amerindia, 1957.

- Rossi C.* [Michael Löwy] Le trotskysme a-t-il sous-estimé la pay-sannerie? // Critique Communiste n° 25, París, 1978, pp. 137-143.
- Rousset P.* El campesinado y el marxismo. Madrid: Izquierda Anti-capitalista, 2014.
- Rubel M.* Marx devant le bonapartisme. París - La Haya: Mouton, 1960.
- Rubel M.* Notice [Le 18 Brumaire de Louis Bonaparte] // Marx K. Œuvres. París: Gallimard, 1994, vol. IV, tomo I.
- Sazbón J.* El fantasma, el oro, el topo. Marx y Shakespeare // Cuadernos Políticos n° 28, México, abril-junio 1981, pp. 88-103.
- Sazbón J.* Modelo puro y formación impura. La Alemania de 1848 en los escritos de Marx y Engels // Cuestiones Políticas, n° 4, Maracaibo, Universidad de Zulia, 1988b, pp. 81-111.
- Sazbón J.* Supuestos económicos y políticos del modelo marxiano de la sociedad burguesa // Cuadernos de Economía Política, n° 5, Luján, Universidad Nacional de Luján - Eudeba, otoño 1988a, pp. 31-60.
- Sloterdijk P.* La fuerte razón para estar juntos. Buenos Aires: Godot, 2021.
- Sperber J.* Karl Marx. Una vida decimonónica. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2013.
- Starck S.* The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte in the United States, Germany, and France, 1852-1932. University of Pennsylvania, 2021.
- Stedman Jones G.* Karl Marx. Ilusión y grandeza. Madrid: Taurus, 2018.
- Tarcus H.* El marxismo olvidado en la Argentina. Silvio Frondizi y Milcíades Peña. Buenos Aires: El Cielo por Asalto, 1996.
- Traverso E.* Revolution. An intellectual history. Londres: Verso, 2021.
- Tronti M.* La autonomía de lo político. Buenos Aires: Prometeo, 2019.
- Trotsky L.* La revolución traicionada. Buenos Aires: Claridad, 1938.
- Volpi M.* La democrazia autoritaria. Forma di governo e V Repubblica Francese. Bologna: Il Mulino, 1979.
- Weber M.* Economía y Sociedad. México: Fondo de Cultura

Económica, 1987.

| *Wolfe A.* Los límites de la legitimidad. Las contradicciones políticas del capitalismo contemporáneo. México: Siglo XXI, 1980.

*Žižek S.* Primero como tragedia, después como farsa. Madrid: Akal, 2011.